

18+

18+

М О С К В А

ПОСЛЕ ОГНЯ

♦ р о м а н ♦
Книга вторая

Элиза М.

Элиза М.

После огня

«Издательские решения»

М. Э.

После огня / Э. М. — «Издательские решения»,

Алина сделала выбор. Даниил уехал в Берлин. Новая квартира, тёмно-синие стены, собственная рукопись на кухонном столе. Казалось бы — можно выдохнуть. Но настоящие отношения начинаются именно там, где заканчивается страсть и начинается жизнь: со скандалами из-за ужина, чужим прошлым, которое не отпускает, и вопросом, который никуда не делся — умею ли я быть с кем-то по-настоящему? Роман о том, что происходит после огня. Когда остаётся человек — со всей его сложностью, закрытостью и нежностью.

© М. Э.

© Издательские решения

Содержание

ПОСЛЕ ОГНЯ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
ПРОЛОГ	8
Год спустя. Якиманка	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
Первое утро без лжи	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
Разъезд	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
Учиться быть собой	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ С ПОЛОВИНОЙ	17
Редактор	17
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	19
То, о чём молчат	19
ГЛАВА ПЯТАЯ	21
Его мир	21
ГЛАВА ПЯТАЯ С ПОЛОВИНОЙ	23
Его люди	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

После огня

Элиза М.

© Элиза М., 2026

ISBN 978-5-0070-7630-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСЛЕ ОГНЯ
роман
Книга вторая
Элиза М.

18+

Продолжение романа «Между двух огней».

Все персонажи и события вымышлены. Совпадения случайны.

Содержит сцены эротического характера. Для лиц старше 18 лет.

Москва. Год после выбора.

Алина выбрала Артёма. Даниил уехал в Берлин. Новая квартира, тёмно-синие стены, собственная рукопись на кухонном столе. Настоящие отношения начинаются там, где заканчивается страсть и начинается жизнь — со скандалами, молчанием, чужим прошлым и вопросом: умею ли я быть с кем-то по-настоящему?

Роман о том, что происходит после огня. Когда остаётся человек — со всей его сложностью, закрытостью и нежностью.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.	<i>Год спустя. Якиманка</i>
Глава первая.	<i>Первое утро без лжи</i>
Глава вторая.	<i>Разъезд</i>
Глава третья.	<i>Учиться быть собой</i>
Глава третья с половиной.	<i>Редактор</i>
Глава четвёртая.	<i>То, о чём молчат</i>
Глава пятая.	<i>Его мир</i>
Глава пятая с половиной.	<i>Его люди</i>
Глава шестая.	<i>Первый настоящий скандал</i>
Глава шестая с половиной.	<i>Утро после</i>
Глава седьмая.	<i>Катя влюбляется</i>
Глава седьмая с половиной.	<i>Вчетвером</i>
Глава восьмая.	<i>Даниил уезжает</i>
Глава восьмая с половиной.	<i>После прощания</i>
Глава девятая.	<i>Трещина</i>
Глава девятая с половиной.	<i>Мама</i>
Глава десятая.	<i>Ночь, которая лечит</i>
Глава одиннадцатая.	<i>Когда земля уходит</i>
Глава одиннадцатая с половиной.	<i>Он работает ночью</i>
Глава двенадцатая.	<i>Слова на бумаге</i>
Глава двенадцатая с половиной.	<i>Чужие глаза</i>
Глава тринадцатая.	<i>Самое глубокое</i>
Глава четырнадцатая.	<i>На грани</i>
Глава четырнадцатая с половиной.	<i>Три дня</i>
Глава пятнадцатая.	<i>Петербург</i>
Глава пятнадцатая с половиной.	<i>Петербургская ночь</i>
Глава шестнадцатая.	<i>Дом</i>
Глава семнадцатая.	<i>Зима в Замоскворечье</i>
Глава восемнадцатая.	<i>Новый год</i>
Глава девятнадцатая.	<i>Её рукопись</i>
Глава двадцатая.	<i>Знакомство</i>
Глава двадцать первая.	<i>Весна снова</i>
Глава двадцать вторая.	<i>Объект в Подмоскowie</i>
Глава двадцать третья.	<i>Катя и Роман переезжают</i>
Глава двадцать четвёртая.	<i>Лето</i>
Глава двадцать пятая.	<i>Разговор, которого не было</i>
Глава двадцать шестая.	<i>Осень приходит</i>
Глава двадцать седьмая.	<i>Книги на полках</i>
Глава двадцать восьмая.	<i>Соседи</i>
Глава двадцать девятая.	<i>Алина пишет ночью</i>
Глава тридцатая.	<i>Зеркало</i>
Глава тридцать первая.	<i>Что осталось</i>
Эпилог.	<i>Апрель. Снова апрель.</i>

ПРОЛОГ

Год спустя. Якиманка

Дом достроили в октябре.

Артём показал мне его в последний раз ещё в сентябре — когда рабочие заканчивали внутреннюю отделку и в коридорах пахло свежей краской и деревом. Мы ходили по пустым квартирам, и он говорил о том, что здесь будет — какой свет в какой комнате, где лестница, где двор. Я слушала и думала: он говорит о доме так, как другие говорят о детях. С той же тихой гордостью и тем же страхом — а вдруг что-то пойдёт не так.

Тогда я ещё не знала, что одна из квартир — для нас.

Он сказал мне об этом в октябре, в день сдачи дома. Просто показал ключ — старинный, чугунный, явно найденный где-то в подвале при реконструкции, — и сказал: «Это наш». Без предисловий, без романтической сцены. Просто ключ и «наш».

Я взяла ключ. Поддержала в руке. Почувствовала его тяжесть.

— Ты не спросил, — сказала я.

— Нет, — согласился он. — Я сказал.

Это был Артём целиком — в одном жесте. Не спрашивает. Говорит. Потому что знает. Или думает, что знает.

Я открыла рот, чтобы ответить что-то колкое — у нас с этим никогда не было проблем — и вдруг поняла, что не хочу. Что хочу войти в этот дом. Что хочу называть его нашим.

— Хорошо, — сказала я. — Наш.

Он посмотрел на меня — серьёзно, внимательно, как смотрит всегда, — и в этом взгляде было что-то, что я научилась читать за этот год. Облегчение. Тщательно скрытое, почти незаметное — но облегчение. Этот человек не был так уверен в себе, как казался. Он просто умел не показывать.

Этот год многому меня научил.

О нём. О себе. О том, что выбор — это не точка, это запятая. За ней идёт всё остальное.

Вот об этом «всём остальном» я и хочу рассказать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое утро без лжи

Утро после того, как Даниил узнал, было тихим.

Не зловещей тишиной — просто тишиной опустевшего пространства. Я сидела в нашей — уже не нашей — гостиной с чашкой кофе и смотрела на стены. На книги, которые стояли вперемешку — мои и его, давно перемешавшиеся так, что уже было не разобрать, где чьи. На его куртку на вешалке. На фотографию с карельского похода — та самая, с протёкшей палаткой, — в деревянной рамке у окна.

Семь лет в одной квартире оставляют следы. Не только вещи — следы в воздухе, в привычках, в том, как ты заходишь на кухню и автоматически тянешься к его кружке.

Я потянулась — и остановила руку.

Даниил ушёл ночью. Не хлопнув дверью — тихо, с небольшой сумкой. Сказал: «Побуду у Серёги». Я кивнула. Он не смотрел на меня, когда одевался. Я смотрела на его спину и думала о том, что эта спина — последнее, что я буду видеть из того, что было нашим. Всё остальное придётся делить, упаковывать, объяснять.

Утром я написала Артёму: «Всё. Он знает. Я дома одна».

Он ответил через три минуты: «Как ты?»

Я смотрела на этот вопрос долго. Как я? Я не знала. Не плохо. Не хорошо. Пусто — в том особом смысле, который бывает после большого решения: когда напряжение спало, а радость ещё не пришла. Просто — пусто и тихо.

«Нормально», — написала я. — «Дай мне день».

«Хорошо», — ответил он. И больше не писал.

Вот за это «хорошо» я его и выбрала.

* * *

День я провела дома.

Не в постели, не в слезах — это было бы проще. Просто ходила по квартире и думала. Смотрела на вещи и понимала, что мне не жаль большинства из них — мне жаль того, что они означали. Жаль привычки. Жаль утренней рутины, которой больше не будет. Жаль человека, которому я причинила боль — не потому что хотела, а потому что иначе было нельзя.

Около полудня позвонила Катя.

— Как ты? — спросила она. Тот же вопрос, что Артём. Но от Кати — иначе.

— Разбираюсь.

— Хочешь, приеду?

— Нет. Дай мне побыть.

Молчание.

— Алина. — Её голос был тихим, серьёзным. — Ты правильно сделала. Что сказала сразу. Что не тянула.

— Я тянула два месяца.

— По меркам такого решения — это не долго. — Пауза. — Он позвонит. Даниил. Не сейчас, потом. Когда уляжется.

— Знаю.

— И ты поговоришь по-человечески.

— Знаю, Кать.

Она помолчала ещё секунду.

— Ладно. Я здесь. Напиши, если что.

Я написала бы. Но в тот день мне не нужен был никто. Мне нужна была тишина и возможность привыкнуть к тому, что жизнь огненные выглядит иначе.

Я привыкала.

Медленно, некомфортно, честно.

* * *

Вечером я начала разбирать вещи.

Не всё сразу — просто то, что точно моё. Книги. Ноутбук. Несколько рукописей, которые я брала домой с работы. Старый свитер, который Даниил считал своим, но который изначально был моим — мы оба об этом знали, просто молчали. Я сложила его в стопку и почувствовала себя глупо: стоять в гостиной и обнимать свитер.

Телефон завибрировал.

Артём: *«Ужин у меня. Если захочешь. Без обязательств».*

Я смотрела на эти слова. «Без обязательств» — он помнил, что именно эта фраза однажды сработала. Михаил говорил так в самом начале. Артём использовал её сейчас — не случайно. Он вообще редко делает что-то случайно.

«Еду», — написала я.

Взяла свитер. Сумку. Ключи.

Вышла.

На пороге остановилась — обернулась на квартиру. На семь лет в четырёх стенах, на фотографию с Карелией, на книги без хозяина.

— Спасибо, — сказала я вслух. Тихо, никто не слышал.

Не Даниилу. Квартире. Времени. Себе — той, которая жила здесь и которой здесь больше не будет.

Закрыла дверь.

Спустилась вниз.

Москва встретила меня октябрьским вечером — холодным, сухим, с запахом первого листопада. Я шла к метро и думала: вот. Вот оно начинается. Не кончается — начинается.

Второй раз за год я выбирала идти вперёд.

На этот раз — без страха.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разъезд

С Даниилом мы встретились через неделю.

Он позвонил сам — в воскресенье утром, пока я сидела у Артёма на Якиманке и читала чужую рукопись. Голос у него был ровным — усталым, но ровным. «Нужно разобраться с вещами», — сказал он. «Хорошо», — ответила я. «Во вторник?» — «Да».

Во вторник я приехала в нашу — его — квартиру на Сретенке с двумя большими сумками и картонной коробкой. Даниил уже был дома: стоял на кухне, варил кофе. Обернулся, когда я вошла. Посмотрел — спокойно, серьёзно.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Мы сели за стол. Он налил кофе — нам обоим, автоматически, как делал семь лет. Поставил мою кружку передо мной. Я посмотрела на неё — ту самую, с отбитой ручкой, которую мы купили на рынке в Карелии, — и почувствовала что-то тупое и тёплое в районе рёбер.

— Кружку возьми, — сказал он.

— Данил...

— Она твоя. — Не грубо. Просто факт. — Бери.

Я взяла кружку. Положила в коробку.

Следующие два часа мы разбирали квартиру — методично, почти деловито. Он называл, я соглашалась или предлагала иначе, мы оба не спорили. Мебель — ему, большинство книг — пополам, кухонная утварь — ему, потому что у меня не будет пока своей кухни. Несколько картин — мне, потому что он их никогда особо не замечал.

— Где ты будешь? — спросил он в какой-то момент. Не как претензию — из вежливости.

— Сниму что-нибудь. Пока смотрю варианты.

Он кивнул. Помолчал.

— Ты на Якиманке?

Пауза.

— Иногда. Но хочу своё пространство.

Он снова кивнул — медленно, как будто обдумывал.

— Правильно, — сказал он. — Это правильно.

Я посмотрела на него — на это знакомое лицо, которое за неделю стало чуть другим: чуть старше, чуть строже. Он справлялся. По-своему, мужски — не разрушаясь, не демонстрируя боль. Просто справлялся.

— Даниил, — сказала я тихо. — Прости меня.

Он поднял взгляд.

— Ты уже говорила.

— Я знаю. Но хочу сказать снова. По-другому. — Я смотрела на него прямо. — Ты хороший человек. По-настоящему хороший. И то, что случилось — это не потому что ты плохой или недостаточный. Это потому что я... потому что я нашла что-то, чего не умела назвать, пока не встретила. И это нечестно по отношению к тебе. Я знаю.

Долгое молчание.

— Я знаю, что ты не специально, — сказал он наконец. Ровно. — Это не делает легче. Но я знаю.

— Да.

— Он... он хорошо к тебе относится?

Вопрос застал меня врасплох. Я не ожидала его — этой заботы, которую он всё ещё проявлял даже сейчас.

— Да, — сказала я честно. — Хорошо.

Он кивнул в третий раз. Встал. Взял свою кружку — не карельскую, другую, простую синюю.

— Тогда ладно, — сказал он просто. — Бери что нужно. Остальное заберёшь потом, если понадобится.

Это было прощание. Не драматичное, не жестокое — человеческое. Самое человеческое прощание, которое я видела.

Я собрала сумки. Взяла коробку. Карельскую кружку.

У двери обернулась.

— Данил.

Он смотрел из кухни.

— Я желаю тебе всего хорошего. Правда. Ты заслуживаешь.

Он чуть усмехнулся — устало, почти тепло.

— И ты, — сказал он. — Иди.

Я пошла.

На лестнице остановилась. Прислонилась к стене. Закрыла глаза на секунду.

Семь лет.

Вот так они заканчиваются. Не скандалом, не хлопаньем дверей. Кружкой с отбитой ручкой и словом «иди».

Я спустилась вниз. Вышла на Сретенку.

И позвонила риелтору.

* * *

Квартиру я нашла через десять дней.

Не на Якиманке и не в центре — в Замоскворечье, в пяти минутах от издательства. Маленькая, однокомнатная, с высокими потолками и окном во двор, где росли два старых тополя. Без ремонта — точнее, с ремонтом советским, который требовал переделки, но в котором было что-то честное. Никаких пластиковых панелей. Настоящий паркет, немного рассохшийся. Деревянные рамы.

Артём пришёл смотреть со мной. Ходил по комнате с профессиональным взглядом — постукивал по стенам, проверял окна, смотрел на трубы.

— Потолок нужно переделать, — сказал он.

— Знаю.

— И трубы в ванной старые.

— Знаю.

— Я могу...

— Нет, — перебила я.

Он замолчал. Посмотрел на меня.

— Нет? — переспросил он ровно.

— Я хочу сделать сама, — объяснила я. — Своё пространство. Своими руками, своими решениями. — Пауза. — Ты не понимаешь?

Он думал секунду. Потом кивнул.

— Понимаю, — сказал он. И добавил: — Но если позвонишь — приеду.

— Знаю, что приедешь.

Мы вышли во двор. Тополя стояли рыжими — октябрь был в разгаре. Я смотрела на них и думала: вот. Вот моё. Не наше — моё. Первое в жизни пространство, которое будет только моим.

В тридцать лет — первое.

Это немного смешно. И очень правильно.
Я подписала договор на следующий день.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Учиться быть собой

Первые две недели в новой квартире были странными.

Не плохими — странными. Я просыпалась в незнакомой тишине и секунду не понимала, где я. Потом вспоминала — и это «вспоминание» каждый раз было чуть другим. Иногда лёгким. Иногда пустым. Иногда — редко, но бывало — тревожным.

Я жила одна впервые с двадцати трёх лет. С тех пор всегда кто-то был рядом — сначала подруга по съёмной квартире, потом Даниил. Семь лет чужого дыхания рядом, чужих утренних звуков, чужого присутствия, которое стало таким привычным, что казалось частью тебя самой.

Теперь — тишина.

Первую неделю я не знала, что с ней делать. Включала музыку просто чтобы был звук. Разговаривала по телефону с Катей дольше обычного. Несколько раз ловила себя на том, что произношу что-то вслух — без адресата, просто так, по привычке.

Вторую неделю стало лучше.

Я начала слышать тишину — не как пустоту, а как пространство. Пространство, в котором можно думать без фонового шума чужой жизни. Читать до двух ночи и не беспокоиться. Есть то, что хочешь, и тогда, когда хочешь. Оставлять рукописи на кухонном столе и не убирать их три дня.

Маленькие свободы, которых я не замечала, пока не потеряла.

* * *

Артём приходил через день.

Мы не договаривались об этом — просто так получилось. Он приезжал с работы, мы ужинали — иногда он готовил, иногда брали еду с собой, иногда я готовила сама и это неизменно было хуже, чем у него, потому что он умел готовить с той же методичной точностью, с которой делал всё остальное.

Потом он уходил. Или оставался. По ситуации, без правил.

Именно это — отсутствие правил — поначалу меня нервировало. Я привыкла к определённости. К тому, что есть «наша» квартира и «наш» быт и всё на своих местах. С Артёмом — по-другому. Он существовал рядом, не претендуя на постоянство. Приходил — хорошо. Уходил — тоже хорошо. Никакого «ты должна» или «я ожидаю».

Однажды вечером я спросила напрямую:

— Артём. Что это такое — то, что между нами? Как ты это называешь?

Он отложил книгу — читал что-то архитектурное, как всегда. Посмотрел на меня.

— Не называю, — сказал он.

— Почему?

— Потому что названия сужают. — Он помолчал. — Мы вместе. Этого достаточно?

Я думала.

— Пока достаточно, — ответила я честно. — Но я не умею без берегов.

— Я знаю. — Уголок его рта дрогнул. — Именно поэтому я здесь каждый второй день, а не каждый третий.

Я засмеялась — неожиданно для себя. Он тоже — тихо.

— Ты считаешь? — спросила я.

— Архитекторы считают всё, — ответил он серьёзно. — Это профессиональная деформация.

* * *

В конце октября я начала делать ремонт.

Сама — как и говорила. Нашла мастера через соседей, договорилась о цене, выбрала материалы. Артём не лез, как обещал. Только однажды, когда я показала ему образцы краски для стен, посмотрел внимательно и сказал: «Вот этот» — указал на тёмно-синий, почти чернильный. — «Почему?» — спросила я. «Потому что ты так видишь», — ответил он просто.

Я взяла тёмно-синий.

Стены получились правильными. Как будто всегда должны были быть такими.

Вечером, когда мастер ушёл и я стояла посреди комнаты с запахом краски и смотрела на тёмно-синие стены — на то, что было теперь моим, — я поняла кое-что важное.

Я не потеряла себя в этом выборе.

Я нашла.

Это была женщина, которая выбирает тёмно-синий и знает почему. Которая живёт одна и учится с этим. Которая любит — да, любит, я уже не боялась этого слова — мужчину, непохожего на всё, что было раньше.

Которая пишет рукописи на кухонном столе и не убирает их три дня.

Москва за окном светилась октябрьскими огнями. Тополи во дворе стояли почти голые.

Я открыла ноутбук.

И впервые за долгое время начала писать — не чужое, своё.

Первое слово было «Москва».

Второе — «апрель».

Третье — его имя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ С ПОЛОВИНОЙ

Редактор

Работа спасала меня всегда.

Не в смысле — заставляла забыть. В смысле — возвращала к себе. Есть люди, которые в тяжёлые периоды бросают работу, уходят в себя, берут отгулы. Я — наоборот. Чем сложнее внутри, тем лучше я редактирую. Как будто потребность в точности становится острее, когда собственная жизнь теряет чёткие контуры.

В ноябре я работала хорошо.

На столе лежала рукопись — роман молодого автора из Екатеринбурга, прислала наш московский агент. Четыреста страниц, история о двух братьях и заводе в девяностые. Сырая, местами неловкая, но живая — с тем особым дыханием провинциальной прозы, которое столичные авторы часто теряют, слишком стараясь казаться изощрёнными.

Я читала и правила карандашом — по привычке, хотя уже давно могла бы всё делать в файле. Карандаш заставляет думать медленнее. Это важно.

— Алина, — позвала Света из соседнего стола. Наша младший редактор, двадцать четыре года, постоянно что-то жевала и постоянно была чем-то удивлена. — Тебе принесли.

Я подняла голову.

На столе стоял небольшой горшок с растением — какой-то суккулент, крепкий и зелёный — и лежала записка. Я взяла её.

«Чтобы в кабинете было что-то живое. А. С.»

Я смотрела на горшок секунду. Потом на записку. Потом снова на горшок.

Артём Сорокин прислал мне суккулент на работу.

— Кто принёс? — спросила я Свету.

— Курьер. Симпатичный, кстати. — Она хитро посмотрела на меня. — Это от мужчины?

— От знакомого, — сказала я.

— «Знакомого», — повторила она с интонацией, которая вмещала целый роман.

Я поставила горшок на подоконник. Написала Артёму: «Суккулент доставлен. Спасибо. Зачем?»

Ответ пришёл через две минуты: «Ты говорила, что в кабинете холодно и серо. Суккуленты живут в холоде».

Я смотрела на этот текст и думала: он помнит. Я говорила это мимоходом, недели три назад, за ужином — пожаловалась на ноябрьский кабинет. Он не ответил тогда ничего. Просто запомнил.

Это было страшнее всех «я скучаю» и «ты мне нравишься».

Это было — внимание. Настоящее, тихое, без демонстрации.

* * *

После обеда я вернулась к рукописи.

Открыла на странице сто восемнадцать — там, где старший брат находит дневник младшего и понимает, что знал о нём меньше, чем думал. Автор написал эту сцену торопливо — выдал диалог, дал реакцию, пошёл дальше. Я карандашом написала на полях: «Стоп. Дай ему побыть здесь дольше. Он только что потерял уверенность в том, что знал человека рядом. Это не секунда. Это — переворот».

Отложила карандаш.

Подумала об Артёме.

Вот именно это — «знал человека рядом». Даниила я знала семь лет и думала: знаю. Потом оказалось — знала поверхность. Знала привычки, реакции, маршруты. Но не видела, что где-то под этим он тоже чувствует себя лишним, что тоже хотел большего и молчал.

Артёма я знаю три месяца. И уже знаю про Веру, про отца, про купол на ребре. Знаю, что суккуленты живут в холоде и что он это помнит. Знаю, как он молчит — по-разному, это важно.

Может быть, дело не в годах. Дело в том, смотришь ли ты.

Я написала автору рукописи: «Страница 118. Останови здесь. Позвольте читателю почувствовать вес этого момента. Самые важные сцены — не те, где много происходит. Те, где человек стоит и не может двинуться дальше».

Потом закрыла файл.

Посмотрела на суккулент у окна.

«Зелёный», — написала Артёму.

«Знаю», — ответил он.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

То, о чём молчат

Его звали Артём Сорокин, ему было тридцать восемь лет, и он никогда не рассказывал о своей бывшей жене.

Не потому что скрывал — просто не рассказывал. Я поняла это постепенно: когда мы говорили о прошлом, он легко упоминал отца, которого потерял десять лет назад, тверскую церковь, первую стройку, деньги которых не было и которые он занимал у трёх разных людей. Но о женщине, с которой был женат четыре года, — ни слова. Как будто этого куска жизни не существовало.

Я не спрашивала. Ждала.

Он рассказал сам — в ноябре, в пятницу вечером, когда мы сидели в моей новой квартире и снаружи шёл первый снег. Не потому что я надавила и не потому что пришло время. Просто рассказал — тихо, в сторону, глядя на тёмно-синюю стену, которую он однажды выбрал.

— Её звали Вера, — сказал он. — Мы познакомились в двадцать шесть. Поженились через год.

Я не двигалась. Знала: если перебую — замолчит.

— Она была хорошим человеком, — продолжил он. — Умной. Красивой. Умела ладить с людьми так, как я никогда не умел. — Пауза. — Мы были неправильными друг для друга. Не плохими — неправильными. Я работал по восемнадцать часов. Она хотела другого — жизни, людей, путешествий. Детей.

Последнее слово он произнёс чуть иначе.

— Детей? — спросила я осторожно.

— Мы пытались. — Он помолчал. — Два года пытались. Не получилось. — Долгая пауза. — Врачи сказали — с её стороны всё нормально. Значит, моя сторона.

Тишина.

Я смотрела на него — на профиль, который видела уже столько раз и который всё ещё умел меня удивлять. На напряжение у скулы. На руки, сложенные на коленях слишком спокойно — так спокойно, как держат руки, когда внутри не спокойно.

— Артём, — сказала я тихо.

— Не надо, — перебил он. Не резко. Просто. — Не нужно говорить, что это не важно или что всё бывает. Я знаю оба варианта наизусть.

— Я не собиралась, — ответила я.

Он посмотрел на меня.

— Что ты собиралась?

— Спросить: ты простил себя за это?

Долгое молчание. Снег за окном шёл гуще.

— Нет, — сказал он наконец. Тихо и очень честно.

Я встала с дивана. Подошла к нему — медленно, как подходят к чему-то важному. Села рядом — близко, плечом к плечу. Не обнимала. Просто была рядом.

— Тогда разберёмся, — сказала я.

Он не ответил. Но через минуту его рука накрыла мою.

Мы сидели в тишине и смотрели на снег. Я думала: вот он — настоящий. Не тот мужчина из лифта, не тот голос в полутёмном коридоре. Этот — с незаживающим местом внутри, с руками, которые строят дома, потому что так хоть что-то можно оставить после себя.

Этого человека я выбрала.

И этот человек — сложный, закрытый, небыстрый — выбрал меня.

* * *

— А она? Вера? — спросила я позже, когда мы переместились на кухню и он варил нам чай.

— Вышла замуж снова. Живёт в Питере. — Он говорил ровно, без боли на поверхности — та осела глубже, где я уже успела её почувствовать. — У неё двое детей.

— Ты знаешь это?

— Общие знакомые. Москва маленькая, если знаешь одних людей.

Я держала кружку — карельскую, с отбитой ручкой, которую принесла из старой жизни — и думала о том, как устроена судьба. Вера нашла своих детей без него. Он нашёл меня. Я нашла себя — через него, через Даниила, через этот долгий кружной путь.

— Артём, — сказала я. — Я не хочу, чтобы ты молчал о таких вещах. В следующий раз.

Он смотрел на меня.

— В следующий раз?

— Когда будет что-то тяжёлое. Не молчи.

Долгая пауза.

— Я не умею говорить о тяжёлом, — сказал он честно.

— Знаю. Учись.

Он чуть усмехнулся — этой своей почти-улыбкой.

— Ты жёсткая, — сказал он.

— Ты тоже.

— Да. — Он поставил кружку. Посмотрел на меня серьёзно. — Именно поэтому нам непросто.

— Именно поэтому нам интересно, — поправила я.

Он смотрел на меня несколько секунд молча.

— Да, — сказал он. — Именно поэтому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Его мир

В ноябре он впервые взял меня на объект.

Не на тот дом, который я уже знала — на новый, большой, на Садовом кольце. Реконструкция бывшего доходного дома начала века — семь этажей красного кирпича, фасад с лепниной, внутри полный разгром и будущие апартаменты. Проект дорогой, партнёры серьёзные, сроки жёсткие.

Он надел мне каску и сказал: «Слушай, смотри, ни о чём не спрашивай при них».

— При них — это при ком?

— При Грачёве. Он не любит лишних людей на объекте.

— А я — лишний человек?

Он посмотрел на меня.

— Ты — моя. Это другое.

«Моя» он произнёс спокойно — как произносят очевидное. Я хотела что-то сказать на это, но не нашла что. Просто надела каску.

Грачёв оказался крупным мужчиной лет пятидесяти с тяжёлым взглядом и привычкой смотреть мимо людей, которые его не интересовали. Меня он не заметил — в буквальном смысле. Пожал руку Артёму, кивнул прорабу, прошёл мимо меня так, будто я была частью строительной конструкции.

Артём не прокомментировал. Просто слегка коснулся моей спины — секундный жест, не для Грачёва, для меня — и пошёл следом.

Я шла за ними по объекту и молчала, как обещала. Слушала их разговор — технический, плотный, с терминами, которые я не все понимала. Смотрела на то, как Артём работает: без лишних слов, точно, с той особой уверенностью человека, который знает каждый сантиметр этого пространства лучше, чем свою квартиру. Он мог остановиться у стены и сказать прорабу три слова — и те кивали, делали пометки, переспрашивали уважительно.

Он был в своём мире.

И в своём мире — был другим. Не тот Артём, который сидел в моей кухне и варил чай. Этот был жёстче, экономнее, требовательнее. Не грубее — просто с другим масштабом. Здесь он строил не для себя — для людей, которые потом будут жить в этих стенах. И это чувствовалось в каждом его решении.

Я поняла кое-что важное: я знала только часть этого человека. Меньшую часть. Остальное — вот здесь, в кирпиче и чертежах.

* * *

После объекта мы поехали на встречу с инвесторами.

Артём сказал заранее: «Это скучно, ты можешь подождать в кафе». Я ответила: «Хочу поехать». Он посмотрел — внимательно, оценивающее — и кивнул.

Встреча проходила в переговорной комнате в деловом центре — стекло, кожаные кресла, вода в стеклянных бутылках. Трое мужчин по другую сторону стола, Артём с ноутбуком и папкой. Меня посадили в угол — молча, не объясняя кто я. Я не стала объяснять сама.

Смотрела на него два часа.

На то, как он говорит — сдержанно, без воды, каждое слово на месте. Как реагирует на возражения — не защищаясь, не нападая, просто: «Понимаю вашу точку зрения. Вот цифры». Как держит паузу, когда нужно, и заполняет её, когда нужно. Как один из инвесторов — моло-

дой, агрессивный, с привычкой перебивать — попытался надавить, и Артём посмотрел на него так, что тот замолчал сам, без единого слова в ответ.

Только взгляд. Серый. Спокойный. Непреодолимый.

Я знала этот взгляд. Видела его на себе. Теперь видела в деле.

После встречи, когда мы вышли на улицу, я сказала:

— Ты заморозил его взглядом.

Артём даже не спросил, о ком я.

— Он хотел показать силу, — сказал он просто. — Я показал, что мне не нужно ничего показывать.

— Это работает всегда?

— Почти. — Он посмотрел на меня. — С тобой не работало.

— Потому что я не пыталась тебя доминировать.

— Нет, — ответил он. — Потому что ты не боялась.

Мы шли по ноябрьскому Садовому, и я думала: вот этот человек — сложный, многоуровневый, со своим прошлым и своим будущим — идёт рядом со мной. И называет меня «моя». И говорит, что я не боялась.

И это правда.

Я не боялась. Ни тогда, в лифте. Ни сейчас.

Именно это он увидел с самого начала.

ГЛАВА ПЯТАЯ С ПОЛОВИНОЙ

Его люди

Я познакомилась с его миром в ноябре, на дне рождения Вадима.

Вадим Серебров был партнёром Артёма — не бизнес-партнёром, а тем особым типом человека, которого правильнее называть «соратником». Они вместе учились в Петербурге, вместе начинали, несколько раз спасали проекты друг друга от разорения. Вадим занимался инженерными системами — скучно с виду, но Артём однажды объяснил мне, что без Вадима ни один его дом не стоял бы прямо.

— Он не придёт? — уточнила я перед выходом, имея в виду вечер.

— Придёт, — ответил Артём. — Все придут. — Пауза. — Тебя будут разглядывать.

— Я знаю, что такое вечеринки.

— Это другое. — Он посмотрел на меня. — Они меня знают давно. Первый раз за много лет я привожу кого-то.

Это остановило меня.

— Вообще первый?

— После Веры — первый.

Я переварила это.

— Хорошо, — сказала я. — Буду готова к разглядыванию.

Квартира Вадима оказалась огромной — старый дом в Хамовниках, потолки три двадцать, книги везде, запах хорошего виски и чего-то варёного. Народу было человек двадцать, и Артём знал всех — это чувствовалось по тому, как он двигался: уверенно, без той сдержанности, которая появлялась при незнакомых.

Вадим оказался крупным рыжеватым мужчиной лет сорока пяти с громким смехом и привычкой обнимать при знакомстве.

— Значит, это ты, — сказал он, рассматривая меня без стеснения. — Артём про тебя не говорит ничего, но это у него означает — очень важно.

— Вадим, — произнёс Артём с интонацией предупреждения.

— Молчу, молчу. — Вадим поднял руки. — Алина, добро пожаловать. Вино там, виски там, еда везде.

Я вписалась в вечер постепенно — сначала просто наблюдала, потом разговаривала с женой одного из архитекторов, потом с самим архитектором. Архитектурное сообщество оказалось плотным и разноголосым: люди спорили о проекте реновации, о китайских застройщиках, о том, можно ли сохранить дух советского конструктивизма, не превращая его в музей.

Артём в этих разговорах был другим — живее, острее, иногда резким. Один раз я услышала, как он коротко и точно разнёс чью-то идею — не грубо, но без смягчений — и человек напротив не обиделся, а засмеялся и сказал: «Ну да, ты прав, конечно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.